

Противоречивый и цельный

➤ По современным меркам он небедный человек, но по-прежнему считает себя частью простого народа

ОН АБСОЛЮТНО несексапилен: толст, неряшливо одет – в этот раз, к примеру, на нем был мятый холщовый костюм и синяя жилетка, а руки по всей длине были вымазаны точками зеленки.

В общении – во всяком случае, со своими телеоппонентами – он не всегда приятен: резок в суждениях, прямолинеен в оценках, не стесняясь, может перебить собеседника, а может и осмеять его точку зрения... И все же телеоппоненты не ненавидят его – напротив, внимательно прислушиваются к тому, что он говорит, и с удовольствием приходят на следующую программу с его участием – поспорить с умным визави. И даже на записи ток-шоу «Народ хочет знать» хозяйка программы Кира Прошутинская, к тому же, именинница в тот день, терпеливо ожидала опаздывающего Дмитрия Быкова и со вздохом и улыбкой замечала, видя недовольные лица гостей: «Он человек талантливый, ему прощительно».

Писатель и журналист Дмитрий Быков, кажется, успевает все на свете: публикует свои статьи во всех СМИ, его книги выходят в свет весьма часто... Конечно, они не становятся бестселлерами – слишком глубоки для массового восприятия. Но то, что Дмитрий Быков является стопроцентным претендентом на звание классика литературы, критики практически не оспаривают. На ток-шоу «Народ хочет знать», темой спора которого было введение новых, упрощенных правил русского языка, он отстаивал правила старые – и отстаивал традиционно весьма резко: «Правильно сказанное и написанное слово является посылком к интеллектуальному и социальному статусу собеседника, – вещал он с трибуны ток-шоу. – В конце концов, у современного русского человека осталось очень мало причин для самоуважения: в политике он не участвует, экономику строят, не спрашивая его совета. Так оставьте хотя бы правильный русский язык, чтобы он уважал себя за грамотность! Вот вы оправдываете упрощение русского языка тем, что все так говорят. А еще в России все берут и дают взятки – и что, будем это узаконивать?!»

После программы мы буквально выловили его: несмотря на внушительные размеры, двигается он легко и быстро, так что довольно скоро исчез из поля нашего зрения. На интер-

вью согласился сразу – правда, удостоверившись, что мы не являемся коммунистической газетой.

– Вы действительно из Магнитогорска? – демонстрируем ему журналистское удостоверение. – Я бывал в вашем городе, читал вашу газету – нормальная газета, иначе беседы бы не было. Хороший город, я там был в 96-м году. Был у меня материал совместный с Володиной Вороновой «Шведская стенка»: может, помните, один ваш уроженец попытался тогда захватить шведского дипломата? А у меня с женой как раз свадьба была в тот день. Потом мы с Володей расследовали эту историю – доказывали, что, видимо, это был вовсе и не он – его подставили. Ради этого дела я летал к его матери в Магнитогорск – довольно увлекательная была история и помню я ее живо. Хороший город, но очень много китайской продукции, и это, конечно, настораживает.

Мы начали разговор прямо на улице, пока он искал любимую кулинарию, чтобы пообедать – его приглашала Кира Прошутинская на именной банкет, но он уединился с приятелем, которого давно не видел и встретил на программе. Он заказал несколько блюд грузинской кухни и 300 граммов водки. Прежде чем приступить к трапезе, поинтересовался, угостить ли нас. Получив вежливый отказ, поднял первый тост.

– Дмитрий Львович, имея некоторые представления о вас, я была уверена, что сегодня вы примете сторону новаторов языка, а вы проявили себя орто-

доксом.
– Я просто считаю, что сложность нуждается в защите. Человек по природе своей каков? Как только он перестает делать усилия стать сверхчеловеком, стать чем-то большим, чем есть, он становится скотиной – вот такой страшный закон. И мне было бы желательнее, чтобы он двигался только вверх – к усложнению. И мне почему-то хочется верить, что народ наш хочет говорить правильно, он сторонник интеллекта, а не примитива. Но власть ему навязывает образ быдла, его пытаются оглушить.

– Откуда такая любовь к народу в широком смысле слова? Обычно интеллигенция

в каком-то роде противопоставляет себя массам.

– Не знаю, я всегда себя чувствовал и имущественно, и территориально, и идеологически частью народа.

– Ваш оппонент, писатель и телеведущий Сергей Минаев, помню, описывая предмет разногласий между вами, привел один пример – цитирую: «Наше с ним отличие хотя бы в том, что я считаю: не стыдно быть бедным, а Быков считает: стыдно быть богатым».

– (Смеется). Это неправда. Богатым быть не стыдно, но надо уметь себя вести, вот и все. А вообще, я сильно сомневаюсь, что Минаев может основываться на моих взглядах, поскольку они достаточно сложны и не описываются в тех терминах, которыми мыслит он. Дискуссии между нами не получится, поскольку она предполагает один андеграунд, а мы с ним совершенно разные люди, между которыми нет ничего общего.

– Но ведь свое нежелание соотносить себя с богатыми людьми вы не будете оспаривать?

– Не буду, хотя у меня масса богатых друзей и дружбу с ними я не считаю для себя зазорным. Да и сам я по меркам современной России весьма небедный человек, хотя и не богат. Все ведь зависит не от количества денег, а от того, как человек, их имеющий, себя ведет. Более того, я большой противник дикой антикоррупционной истерики, разразившейся в последнее время – этих постоянных проверок, публичных наказаний... Ведь все это делается исключительно для того, чтобы порадовать прессу. Я считаю, что первые лица государства имеют право хорошо зарабатывать при условии, что они хорошо работают. И если министр работает хорошо и много, то он имеет право жить на Рублевке.

– То, что вы тоже много работаете, я знаю. Спрашивать, как вы все успеваете, думаю, глупо?

– Я работаю совсем немного – во всяком случае, гораздо меньше, чем должен бы.

– И чем же вы заняты в таком случае?

– Большую часть времени я думаю: придумываю, пишу, сочиняю, преподаю в школе.

– Как это – в школе?

– Да, в самой обычной школе. Еще я езжу в командировки, выступаю... В общем, у меня практически нет времени, когда я ничего бы не делал, и это меня восхищает: належусь я в гробу. Вообще, для меня представление о несчастье – это невостремленность дома и на работе, и как результат – полное одиночество.

– Откуда же уверенность в том, что вы делаете не так много, как надо бы?

– Я помогаю меньшему количеству людей, чем хотел бы, мало пишу – второй год не могу роман закончить... Да много всего.

– Знаю, есть у вас правило: пять дней в неделю – для работы, суббота и воскресенье – для книг. Причем, за рабочие пять дней вы успеваете написать почти во все газеты и журналы столицы.

– Не правы: я работаю в трех СМИ на условиях штата, внештатно еще в трех – в общем, это ничтожно, по-моему.

– Интересно, как должна чувствовать себя я, работающая только в одной газете и считающая, что работаю я в общем-то много.

– (Смеется). Значит, вам этого хватает. А мне надо очень много – во-первых, наговорить, потому что мыслей уйма. Во-вторых, что самое важное, иначе я просто не прокормлю семью. У меня двое детей, дочь уже большая, ей надо куда-то ездить, ходить... Она зарабатывает, но мало, жена тоже работает в культуре – сами понимаете... А я мужик, муж и отец. Так что, надо сказать, мы еле-еле укладываемся в рамки моих заработков, а если бы я работал меньше, то пришлось бы себя урезать. Журналистский труд оплачивается в нашей стране низко, колонка стоит копейки, на заказ я не пишу, потому что принципиально не делаю пиар-кампаний. Так что много работать – это единственный способ сохранить себя для журналистских занятий, не залезая ни в бизнес, ни в другие области.

– Вы сказали: единственное, за что русскому человеку осталось уважать себя, это за грамотность. Мне показалось, что вам это нравится – то, что мы не любим заниматься политической, экономической или бизнесом... А может, это все-таки обломовщина, присущая нам лень и созерцательность?

– Ну, это не наша заслуга и не наша вина.

➤ **Россиянам не очень-то дают участвовать в устройстве своей жизни**